

СУДЬБЫ МОЛОДЫХ ЯПОНЦЕВ

Г. НАВЛИЦКАЯ

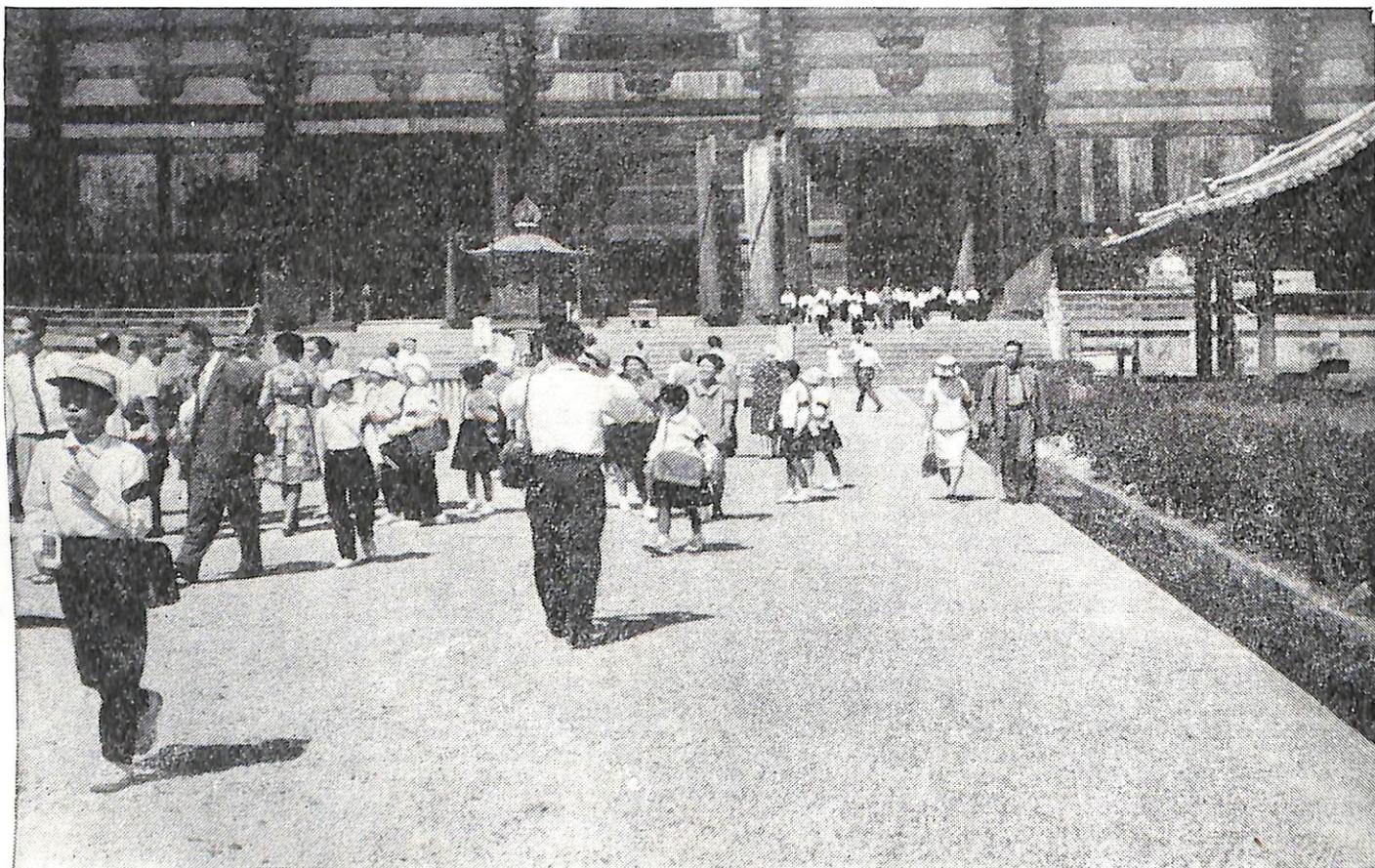
У КАЖДОГО города свое лицо. Я думала об этой известной истине, поднимаясь как-то вечером на обзорную площадку Токио Тауер¹. Лифт медленно полз вверх, отсчитывая метры, а внизу все шире разливалось бесконечное море огней. Огромный город, вместилище целого океана человеческих жизней, лежал внизу. Огненными ручьями текли крупные магистрали и улицы, перемежаясь темными пятнами парков, редкими мерцающими огоньками светились скученные рабочие кварталы,

¹ Телевизионная вышка в одном из районов Токио—Минатоку

и, как бушующий неоновый оазис, вдалеке шумела Гиндза—центральная торговая часть города.

Да, у каждого города свое лицо. Но для меня истинный лик Токио—это утренний Токио—суровый серый город с улицами, наполненными молчаливыми потоками людей; трамваи и автобусы, набитые до отказа; проходные многочисленных фабрик и заводов, словно опытные фокусники, заглатывающие бесконечную людскую ленту. В эти ранние часы солнце еще милосердно, и дневная суета не вступила в свои права. Первые этажи зданий, в большинстве своем—магазины и лавочки, закрыты ребристыми железными шторами. А трудовой

Японские школьники отправляются в лагерь.
Фото автора

Токио уже на ногах. По улицам идет молодежь, в основном молодежь. Вы можете остановиться перед любым предприятием, будь то «Мацусита дэнки», «Хитаци» или один из заводов концернов Мицубиси, Мицуи и Сумитомо, но увидите вы одно и то же — безупречно отглаженные белые рубашки и блузки, аккуратно закатанные рукава и молодые лица, всюду молодые лица. Впрочем, это понятно. На японские предприятия, как правило, принимается молодежь — это наиболее выгодно для предпринимателей. Средний возраст рабочих здесь от 16 до 30 лет. Потому-то утренний Токио — город молодежи, утренний Токио — это будущее Японии.

Судьбами своего молодого поколения сейчас обеспокоен весь народ. Но разные слои общества по-разному относятся к этому вопросу. Прогрессивная Япония возлагает большие надежды на активные силы демократической молодежи. От ее мужества, энергии и стойкости зависит, каким путем пойдет Япония. В планах японской реакции, вдохновляемой американским империализмом, молодежи отведено вполне определенное место. За души молодых японцев ведется жестокая борьба.

В идеологическом наступлении американского империализма и японской реакции немаловажная роль отводится искусству. Что представляют собой театральные и телевизионные постановки сегодняшней Японии, что они могут дать молодежи, ищущей свои идеалы и свое место в жизни? Большинство этих представлений построено по типу ревю, где набор эффектных номеров чередуется с выходом «звезд», демонстрирующих далеко не высокие шедевры искусства. Проповедь растленной буржуазной культуры, жизни «на один день», моральная распущенность, идеи космополитизма и бизнеса — вот что несут молодежи такого рода постановки.

В театре «Нитигэки», например, все представления подчинены показу полуобнаженных «звезд». Театр расположен в самом центре Токио, а ближе к окраинам — в Асакуса — в открытую процветает «стриптиз» и всевозможные «шоу» (общественные и частные) — вместиле же сплошных непристойностей. Недаром в японских газетах по требованию группы жителей Токио шумно обсуждался вопрос о Синдзюку — увеселительном районе столицы, разлагающе действующем на нравы молодежи. Однако дальше пустых словопрений дело не пошло. Слишком много дельцов заинтересовано в существовании этих сверкающих кварталов, слишком большой «бизнес» делается в темных улицах-ущельях, надевающих вечером призрачный наряд красочного веселья.

Девиз «Не надо думать!» можно усмотреть не только в театре, но и в любой программе телевидения. Телевизионные фильмы, спектакли с убийствами, грабежами, сексуальными эпизодами, дикие сцены борьбы, не имеющей ничего общего со спортивной борьбой — с разрыванием рта, выкручиванием рук и отчаянными воплями пострадавших, сменяются легковесными модными песенками, бездумно кочующими по эфиру. «Исполняем «Суку-суку», — очаровательная дикторша улыбается, — ее поет сейчас вся Япония!»...

...В руках музыканта взлетает сямисэн. В зале много американцев. Неужели сейчас польется японская национальная музыка — необыкновенно мелодичная и проникновенная? Но нет. В сегодняшней Японии национальное искусство все более и более оттесняется на задний план, отступает под натиском космополитической буржуазной культуры Запада. Актер исполняет на сямисэне... мамбу. Зал

Вечером в Синдзюку — районе «джаз-хаузов», игорных домов и кабаре.
Фото автора

неистовствует. «Мамбу! Мамбу!» — восторженно ре-
вуют американцы...

Япония занимает одно из первых мест в мире по количеству фильмов, выпускаемых в год. Их около 400. Приплюсуйте сюда голливудские фильмы, в огромном количестве экспортируемые на японский экран, и вы получите картину бесконечного калейдоскопа, сплошного потока кадров, который с экранов кинотеатров и телевизоров ежедневно обрушивается на японского зрителя. Но не ду-

майте, что всякий японский фильм — «Хадака но сима» («Голый остров»), а каждый режиссер — Канэто Синдо, хотя в Японии немало талантливых режиссеров и актеров. Условия, в которые поставлено искусство в мире капитала, накладывает свой немолчаливый отпечаток на почерк писателя, на творческие поиски режиссера и актера.

Большая часть идущих сейчас в Японии фильмов сделана по голливудскому образцу. Когда загораются вечером огни кинотеатров в Асакуса, первое, что сможет различить глаз, не сразу привыкающий к резкому переходу от густых токийских сумерек к яркому свету, — это направленные на вас буквально отовсюду дула револьверов, руки в черных перчатках, тянущиеся прямо к вашему горлу, искривленные в мучительном крике рты, тела, извивающиеся в последней предсмертной судороге. Не удивляйтесь! Эти жуткие сцены — самая обычная кинореклама.

В одном из японских фильмов — «Масура», великолепно снятом, с блестящими натурными и павильонными съемками — проблема гангстерства и ужасов ставится гораздо шире, чем в рамках одного местечка, одного города, одной страны. Это уже массовые убийства, уничтожение целых городов, крушение цивилизации. Мифическое существо, действующее в фильме, уничтожает все подряд, убивает все, что можно убить, разрушает все, что можно разрушить. Блуждающая камера выхватывает из общего хаоса то рассыпающиеся, как кубики, этажи небоскреба, то покореженные железные скелеты фабрик и заводов; на трехсотметровой высоте начинает дрожать верхняя часть токийской башни, и вслед за этим со страшным скрежетом рушатся ее железные опоры, одна за другой летят вниз окрашенные в красный цвет металлические фермы; грохот разрушения сменяется тишиной — мертвой тишиной, на смену которой не придет шум созидания и творческое кипение жизни; над пустынным мертвым Бродвеем, свисая с полуразрушенного здания, раскачивается и скрипит железная балка...

Кому нужны такие фильмы, спектакли, телевизионные постановки, на кого они рассчитаны, на кого больше всего действуют?

Каждому понятно, что проповедь ужасов и убийств, отчаянной капиталистической погони за барышом, культ бандитов и грабителей, свободно разгуливающих по всем 13 каналам японского телевидения, — все это не может проходить бесследно, не может не оказывать своего тлетворного влияния на все слои населения, и прежде всего — на молодежь. Подобная идеологическая обработка приносит свои реальные результаты — часть японской молодежи поддалась разлагающему воздействию идей, насаждаемых силами реакции, утратила свою решимость и волю к борьбе. И следствием этого несомненно является рост массовой преступности среди молодежи.

Нередко в узких улочках столицы, там, где ютятся маленькие лавчонки, можно встретить молодых людей, для которых бандитизм является основной и единственной профессией. Эти молодчики имеют здесь своеобразный источник дохода — страх. Запуганные грабежами, убийствами и всевозможными бесчинствами, владельцы торговых лавок платят им постоянную ренту, за которую «рыцари темноты» милостиво охраняют их от бандитов, «работающих» в других кварталах. Эти же подонки общества наряду с гангстерскими шайками, с ультраправыми фашиствующими элементами поставляют кадры для разгона рабочих демонстраций и срыва забастовок.

ИСКУССТВО ЖИЗНЕННОЙ ПРАВДЫ

Независимость есть, но... нищета душист простого человека Японии, а на улицах городов полновластно хозяйничают американские солдаты. Суровая правда жизни смотрит на нас с полотна японского художника Синкай Какцо, которое так и называется — «Независимость есть, но...»

Картины Какцо и его коллег Мита Гэндзиро, Сакурай Макото, Кикуги Еноскэ и других современных прогрессивных японских художников были недавно экспонированы на выставке в Москве в залах Государственного музея искусства народов Востока. Они привлекли внимание москвичей реализмом и глубиной, настоящей, высокой актуальностью и большим мастерством.

На десятках холстов, выставленных в музее на улице Обуха, запечатлены люди наших дней — те японцы, руками которых созданы и создаются все материальные и духовные ценности «страны восходящего солнца». Есть картины, повествующие о горе и безысходности, о несбывшихся надеждах и попоранном человеческом достоинстве. Это правда, но не вся правда. И мы не сумели бы разглядеть подлинное лицо сегодняшней Японии, если бы на этой выставке мы увидели только такие полотна.

Человек — борющийся, активный, неприимый к злу и несправедливости, ненавидящий войну и все, что ведет к ней, — стал главным героем многих произведений современной японской живописи. Художники умело и ярко показывают разгневанный народ, раскрывают идею солидарности трудящихся в борьбе за свои права, красоту революционного порыва, его оптимистический, жизнеутверждающий смысл.

Выставка свидетельствует о том, что гневный протест против американской оккупации Японии, бурный подъем движения народных масс, и прежде всего рабочего класса страны, вдохновляет передовых мастеров японского искусства на создание ярких и правдивых произведений.

Кикуги Еноскэ. Семья.

1

2

1. Сакурай Макото. *Мать.*
2. Синкай Какуо. *На демонстрацию.*
3. Синкай Какуо. *Независимость есть, но...*

Мита Гэндзиро. *Земля, ставшая полигоном.*

Реакционный курс правящих кругов на возрождение милитаризма, подкрепленный японо-американским договором о «взаимном сотрудничестве и безопасности», подписанным в январе 1960 года, создал базу для оживления фашиствующих элементов. Не секрет, что силы фашизма делают ставку на молодежь. Убийца председателя Социалистической партии Японии Асанума 17-летний Ямагути был членом Всеазиатской антикоммунистической лиги молодежи, в которую входили также фашисты с острова Тайвань и из Южной Кореи.

Вопреки расчетам правящих кругов, опекаемых заокеанскими покровителями, в Японии с каждым днем растет влияние подлинно демократических идей на широкие массы трудящихся. Развернувшаяся в стране борьба сил привела к тому, что все больше молодых людей участвует в политической борьбе трудящихся, крепнет идейное единство молодежи.

Мне пришлось встречаться со многими представителями молодого поколения Японии — это были рабочие тяжелой промышленности, работницы текстильных предприятий и точного машиностроения, студенты, поэты, художники. Все они были очень разными людьми, но их объединяло одно — страстная любовь к родине и твердая вера в ее светлое завтра. И они не пустые мечтатели и прожектеры, ждущие, что кто-то сделает за них все самое трудное, — это активные борцы за мир, за новую Японию. Это они — рабочие и студенты, учителя и шахтеры, литейщики и судостроители — сказали «нет!» Эйзенхауэру во время его визита в Японию. Это их руки, сжатые в кулаки, поднимаются во время забастовок в традиционных «весенних и осенних наступлениях» рабочего класса. Это они борются против законопроекта «О предотвращении политического насилия», против создания военных баз и ракетных полигонов на японской земле.

...Невысокий паренек, рабочий с завода «Мацусита дэнки» по имени Кихара рассказывает мне о своей жизни и о борьбе японской молодежи. Он состоит членом Лиги демократической молодежи — организации, насчитывающей в своих рядах свыше 50 тысяч человек. «Это не единственное объединение молодежи и не самое крупное, — говорит Кихара-сан. — Но в последнее время оно начинает играть важную роль в политической жизни японской молодежи». Молодежная лига, по словам юноши, активно участвовала и участвует в борьбе против «договора безопасности». Члены организации плечом к плечу с Союзом социалистической молодежи, с Всеяпонской федерацией крестьянских союзов и молодежным отделом Генерального совета профсоюзов Японии («Сохё») выступили против реакционного курса и милитаристских устремлений правящего лагеря.

«Конечно, нам еще много нужно работать и бороться, чтобы добиться больших успехов, — продолжает Кихара. — Наша организация пока еще не стала массовой. И мы должны решительней добиваться осуществления своих требований», — он загибает один за другим пальцы, перечисляя требования Лиги демократической молодежи. Тут и установление минимума заработной платы, и выполнение принципа равной оплаты за равный труд, ликвидация системы временных и внештатных рабочих, соблюдение законов об охране труда молодежи и т. д. «Но это не все, — заявляет Кихара. — Самое деятельное участие нам следует принять в идеологической борьбе, развернувшейся в стране. В ответ на идеологическое наступление американского империализма мы объявили поход за популяризацию в среде молодежи национальной культуры».

Кихара еще долго рассказывает о других организациях, объединяющих сельскую молодежь, студенчество, рабочих, и передо мной раскрывается картина нелегких будней японской молодежи, будней, наполненных непрерывным трудом и упорной борьбой.

С маленькой частицей трудового океана японской молодежи мне довелось встретиться в рабочем клубе с необычным названием «Томосибиги» — «Огонек».

Посетители «Томосибиги» — это активные участники движения, начатого известным японским борцом за мир, лауреатом Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» — Акико Сэки. «Томосибиги» — маленькая частица «Утагэ» — «Поющих голосов Японии». Здесь все поют. Поют посетители, сидящие за легкими пластмассовыми столиками, поет кассирша в маленькой будочке у входа, поют официантки, разнося недорогие угощения, воду со льдом и холодный «орандж». У всех в руках маленькие песенники — в синих, красных, желтых обложках, на них эмблема «Томосибиги» — молодежный хоровод из представителей разных наций и горящая свеча. «Приходите к нам в «Томосибиги», приходите на наш теплый огонек, — говорится в этих книжках-малышках. — Песня накрепко спаяла наши сердца. Песня стала великой силой в борьбе за мир. Молодежь! Объединяйся, защитим мир!»

Темпераментный молодой певец с эстрады в углу зала руководит вечером. Певец весь в движении, он шутит, смеется, повторяет со всеми новую мелодию. Его красивый сильный голос взмывает над хором, легкие, почти невесомые руки то взлетают, то замирают в воздухе, и кажется, что именно они, как птицу, поднимают и подбрасывают вверх песню, и она свободно парит под сводами клуба. На сцене, кроме певца, несколько музыкантов, которые в перерывах между пением выступают с сольными номерами.

Я оглядываю зал: молодые, совсем юные лица, серьезные глаза, руки, большие трудовые руки лежат на почти игрушечных столиках, книжки-песенники тонут в грубых рабочих ладонях. О чем поют эти ребята? О многом. О немецких студентах и итальянских партизанах, о рассвете над корейскими полями и сосне с длинными иглами, что стоит на берегу Японского моря, о хлопьях снега, искрящихся под светом фонарей, о мире и свободе, которые нужны каждому человеку, чтобы быть счастливым на нашей древней прекрасной планете. Все песни трудно перечислить, в каждой книжке их около 50. Испанские, немецкие, итальянские, американские песни сменяются индонезийскими, корейскими, японскими и... русскими. Приятна была эта неожиданная встреча с нашими русскими песнями, словно вдруг в Токио, в сердце Японии, мне встретились старые добрые друзья. Вот они, наши крылатые спутники, гости «Томосибиги»: «Славное море, священный Байкал», «Калинка», «В низенькой светелке», «Подмосковные вечера», «Катюша», «Вася-Василек», «Дороги», «Одинокая гармонь»... Широко известная у нас песня Дунаевского «Урожайная» из кинофильма «Кубанские казаки» покорила японскую молодежь своим бурным темпераментом и жизнерадостностью. Ее очень любят в «Томосибиги».

...Было уже поздно. Вечер в клубе продолжался, но мне нужно было уходить. Спустившись по лестнице вниз, я постояла несколько секунд, глядя на освещенные окна. Из полуоткрытой двери на улицу вырывались сильные молодые голоса. Они смело вливались в жаркую сутолоку токийского вечера, покрывая немолчный шум столицы.